

А. Ю. Агафонов о проблеме редукционизма в психологии¹

«Под редукционизмом в психологии, – пишет А. Ю. Агафонов, – как правило, понимают сведение причинных оснований изучаемого явления к той сфере реальности (например, биологической, физической, социальной и т.д.), к которой само это явление не относится (Выделено мной – С. Р.). Таким образом, редукция возникает, когда необходимо объяснить тот или иной факт. <...>

В психологии есть как ярые противники, так и ревностные защитники редукционизма.

Одни, вслед за Э. Шпрангером, повторяют: “psychologica – psychological”: психическое следует объяснять только через психическое. Считается, что данная методологическая позиция вводит запрет на любые редукционистские ухищрения (если угодно, уловки) при объяснении фактов. Продукты психической активности и даже поведенческие проявления, в той мере, в какой последние можно рассматривать в качестве отправлений психики или эффекты работы сознания, нельзя объяснять физиологическими или социальными причинами.

Являясь, в целом приверженцем этой точки зрения при объяснении эффектов работы сознания, в частности, осознаваемых переживаний, я, тем не менее, постараюсь показать, что **редукционизм возможен, более того, как мне представляется, неизбежен и в том случае, когда мы полностью разделяем эту позицию** (Выделено мной – С. Р.). <...>

Психические явления – сенсорные и перцептивные образы, сновидения, эмоции, желания, мысли и т.д. – являются продуктами собственно психической активности. Поэтому объяснение природы этих явлений есть описание предполагаемой логики порождающих их процессов.

Для тех, кто радеет за чистоту психологического знания и с остороженностью относится к популярным ныне междисциплинарным союзам, “редукционизм” - ругательное слово, выражающее подмену собственно психологических объяснений схемами интерпретации, которые

¹ Агафонов А. Ю. Бессознательные обертоны сознания // По обе стороны сознания. Экспериментальные исследования по когнитивной психологии /Под общей редакцией А. Ю. Агафопова. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2012. С. 7–15.

строятся с опорой на внепсихологические основания, соответственно с использованием непсихологической терминологии.

Редукционизм является своеобразным мостиком, который каузальным отношением соединяет разные онтологии (Выделено мной – С. Р.). В этом смысле редукционизм – всегда дитя междисциплинарных связей.

По мнению В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили, именно междисциплинарные связи психологической науки “приводят к потере предмета собственного исследования» и являются источником “многочисленных вариантов редукционизма”².

Как подметил А.В. Юревич, хотя редукционизм часто открыто и осуждается как «один из худших видов “методологического криминала”³, он весьма широко распространен в психологии.

Редукционистские объяснения давно стали нормой в исследовательской практике. Даже те, кто на словах порицает редукционизм, допускает возможность одни факты трактовать с физиологических позиций (мол, “так работает мозг”), а другие - в контексте социальных процессов (“психика и сознание формируются внутри социальных отношений; психические явления социально детерминированы”).

На мой взгляд, сосуществование в психологии различных редукционистских объяснений есть следствие неоднородности предметного поля, на котором расположены, с одного края, психофизиологические явления, а с другого, факты социальной, духовно-нравственной и религиозной жизни человека. Чем ближе изучаемый феномен к плану телесности или, напротив, общественной жизни, тем больше соблазн использовать соответствующие редукционистские интерпретации и тем убедительней они воспринимаются.

Поэтому вопрос о том, как относиться к редукционизму, не может быть решен без прояснения позиции относительно содержания предметной области психологии.

Что считать предметом психологии? Только ответив на этот вопрос, можно оценивать допустимость редукционистских объяс-

² Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Проблема объективного метода в психологии // Постнеклассическая психология. 2004. № 1.

³ Юревич А. В. Объяснение в психологии // Психологический журнал Т. 27. 2006. № 1. С. 103

нений (Выделено мной – С. Р.). Если в предметную область психологии включать явления физиологической и социальной природы (казалось бы, как же иначе, ведь человек – биосоциальное существо), тогда возможны любые объяснения, любая редукция. Тогда действительно “позволено все”: явления сознания, например, можно объяснять состоянием мозга, социокультурной средой или божественным установлением.

Если же предметом психологии считать только психические явления, то редукция в ее традиционных видах – запрещенный прием (Выделено мной – С. Р.). Но, что интересно, даже определяя предмет изучения в границах психической феноменологии, психологи довольно терпимо относятся к редукционистским трактовкам.

Одним из распространенных видов редукционизма является **психофизиологический редукционизм, предполагающий сведение психического к физиологическому** (Выделено мной – С. Р.). Если какой-то психический феномен не удастся объяснить психологическими причинами, - не стоит огорчаться. Ведь всегда есть возможность допустить некие процессы в мозге, которые ответственны за возникновение этого феномена.

Логика, которой руководствуются сторонники психофизиологического редукционизма, кажется простой, интуитивно понятной, вполне убедительной, и, возможно, поэтому она достаточно популярна в некоторой части научно-психологического сообщества. В известном смысле это логика здравого смысла.

В упрощенном варианте она сводится к следующему. Психика человека не существует вне телесного носителя. А поскольку психическая организация имеет физиологический субстрат, будет естественно полагать, что процессы, протекающие в организме, в частности, мозговая деятельность должны прямо влиять на события психической жизни. Поэтому неудивительно, что при органических поражениях мозга мы наблюдаем нарушения психической деятельности или даже полную неспособность к выполнению элементарных психических актов. Усталый человек хуже справляется с выполнением мнемических, аттенционных, мыслительных задач по сравнению с человеком в нормальном физическом тоне.

Тот факт, что работа психического аппарата всегда осуществляется на фоне того или иного физиологического состояния,

считается достаточным основанием для того, чтобы делать вывод: психическое детерминировано физиологическим (Выделено мной – С. Р.).

Среди наиболее известных исследователей сознания на позициях психофизиологического редукционизма стоит Д. Деннетт, который сознание понимает как функциональное состояние мозга⁴.

Ранее я уже обсуждал изъяны этого методологического подхода при построении теории сознания⁵. Конечно, и эмоциональная сфера, и работа памяти, и мыслительная деятельность, и поведенческая активность конкретного человека, - все психические процессы и функции испытывают на себе влияние со стороны организма, функционального состояния нервной системы и деятельности мозга.

Несомненно, продукты работы психики зависят от соматических процессов, в частности, нейрофизиологических. Осознанность, чувство Я, те переживания, которые обнаруживаются в субъективном опыте, вся психическая конструкция возникают только на физиологическом носителе, “физическом фундаменте” (Д. Чалмерс). Было бы глупо отрицать зависимость психической деятельности и работы аппарата сознания от состояния физиологического носителя. Однако *при построении психологической теории такой зависимостью не только позволительно, но и необходимо пренебречь*.

В психологической теории не описывается конкретный эмпирический Субъект Субъектович, а только некие психические феномены, как если бы они существовали без телесного носителя. Такие феномены являются в теле теории абстракцией, поскольку то, чему эти конструкции в реальности соответствуют, не существуют в этой реальности в том отвлеченном и обособленном от многочисленных эмпирических связей виде, в котором они репрезентированы в теории.

Убежден, что пока не будет понята общая логика работы психической организации, описана “психомеханика” сознания, рано браться за решение психофизиологической проблемы (Выделено

⁴ *Dennett D. C. Consciousness Explained. London, 1991.*

⁵ *Агафонов А.Ю. Когнитивная психомеханика сознания, Или как сознание неосознанно принимает решение об осознании. 2-е изд. Самара, 2007; Agafonov A. Y. Ideals of Rational Knowledge, Modern Russian Psychology and the Phenomenon of Consciousness. In Journal of Russian and East European Psychology. V. 41. N.Y., 2003 . № 6.*

мной – С. Р.). А без решения последней любая частная психофизиологическая редукция при объяснение психического феномена представляет собой **гипотезу ad hoc** (Выделено мной – С. Р.) – вспомогательную гипотезу, которая используется для определения факта, т.е. гипотезу для данного конкретного случая.

При построении собственно психологической теории следует исходить из того, что физиология организма (конструкция мозга, в частности) есть необходимое условие, а не причина психических феноменов (включая феномены сознательной деятельности) (Выделено мной – С. Р.). <...>

Возможно, что та телесная конституция, которой располагает человек, является единственным физиологическим носителем, на котором может осуществляться известная нам из опыта психическая деятельность. Вполне вероятно, что никакие иные субстраты не обеспечивают необходимых условий для осознанности. В этом смысле, идеализируя человеческий мозг (или даже организм в целом), можно рассматривать его в теории как *идеальное условие*, подготовленное Природой для осуществления разумом своих познавательных функций. < ...>

Не менее популярной версией редукционизма является объяснение разного рода психических и психологических фактов социальными факторами, начиная от типа родительско-детских отношений, заканчивая «духом времени» (Выделено мной – С. Р.).

Редукционизм социологического толка в значительной степени был характерен для отечественной науки, что вовсе не удивительно, так как **методологическим фундаментом психологии в советское время признавался марксизм** (Выделено мной – С. Р.). При идеологической ангажированности, а порой и явной натянутости объяснений психического через социальное социологический редукционизм превалировал, хотя это и не демонстрировалось явно.

Давая оценку доминированию социологического редукционизма в советскую эпоху, А. В. Юревич совершенно верно отмечает, что “на уровне общих деклараций, он объявляется именно редукционизмом, который методологически некорректен и не лучше любого другого редукционизма. В то же время немало подобных констатаций принадлежат советским психологам, которые одновременно расписывались в верно-

сти марксистской парадигме, в психологической науке представлявшей собой ярко выраженный вариант социологического редукционизма”⁶.

Если психофизиологический редукционизм имеет устойчивые позиции, во всяком случае, в когнитивной науке (той области исследований, которая мне наиболее близка), **то социологический редукционизм представляется мне идеей, наиболее уязвимой для критики** (Выделено мной – С. Р.). Ограничусь лишь одним аргументом. Любые социальные воздействия, любые социальные ситуации вызывают определенные эффекты (эмоциональные, мыслительные, поведенческие) только после того, как они восприняты определенным образом. Социальные влияния всегда опосредованы психическими процессами понимания. (При том, что эффекты этих процессов могут не осознаваться). Социальное никогда не составляет ближайший план детерминации психических процессов, поэтому социологический редукционизм есть самая грубая форма объяснения психической феноменологии. Но в силу того, что каждый человек повседневно испытывает на себе разного рода социальные влияния, кажется естественным за этими влияниями усматривать детерминацию психической феноменологии и явлений сознания, в частности.

Похоже, редукционизм – родимое пятно психологии (Выделено мной – С. Р.). Редко можно встретить биолога, физиолога или социолога, которые бы, сталкиваясь с трудностями объяснения биологических, физиологических или социальных явлений, спешили за помощью к психологу. Но между тем, все конечно понимают, что в отсутствии у человека психической жизни невозможна и работа телесного носителя и, уж тем более, невозможны никакие социальные процессы и феномены. Но только психологи, не справляясь с решением собственных исследовательских задач, ищут поддержки у физиологов или представителей социальных наук.

Повторюсь: такое положение дел вызвано неопределенностью, размытостью границ предметной области психологической науки. Если предметом психологии считать все, что, так или иначе, имеет отношение к человеческому существу, начиная с наследственной предрасположенности и заканчивая отношением к Богу, то всякая редукция методологи-

⁶ Юревич А. В. Объяснение в психологии // Психологический журнал. Т. 27. 2006. № 1. С. 102.

чески оправдана. Когда наука изучает все что угодно, возможны какие угодно объяснения.

Если при интерпретации феноменов сознания оставаться в границах психического, то представляется оправданным осознанные переживания объяснять неосознаваемыми психическими процессами, которые предваряют эти переживания.

Иначе говоря, при объяснении психических феноменов оправдан квазиредукционизм, предусматривающий объяснение осознаваемого психического через неосознаваемое психическое (Выделено мной – С. Р.).

Данная версия редукционизма не является умозрительной конструкцией. Множество экспериментов в когнитивной психологии показывают, что **осознается всегда то ментальное содержание, которое до момента осознания уже существует в бессознательной психике, то есть уже подготовлено для осознания** (Выделено мной – С. Р.). Исходя из этого, любые физиологические реакции до самого эффекта осознания могут служить информативными индикаторами, которые маркируют неосознаваемые психические процессы. Физиологическое выступает в этом случае лишь как проявление бессознательного, в необозримых недрах которого и рождается всякое осознанное переживание»⁷.

⁷ Агафонов А. Ю. Бессознательные обертоны сознания //По обе стороны сознания. Экспериментальные исследования по когнитивной психологии /под общей редакцией Агафопова А.Ю. –Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2012. С. 6–15.